

10. Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925 – 1941. М., 1971. С. 303.
11. Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 134.
12. Гасанлы Дж. СССР – Иран: азербайджанский кризис и начало «холодной войны». М., 2006. С. 15.
13. История России. Тысячелетие дипломатии и войн. Екатеринбург, 1995. С. 83.
14. Гасанлы Дж. Указ. соч. С. 16.
15. ДВП. Т. 24. М., 1998. С. 791-792.
16. ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 436.
17. Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939 – 1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 206.

**Шистеров М.В.
(Екатеринбург)**

Поход Наполеона в Россию глазами маркиза Ж. де Шамбрэ

В исторической памяти французов Русская кампания Наполеона имеет непростую судьбу. В этой удивительной войне, повлекшей за собой столь колоссальные жертвы и похоронившей надежды Наполеона на создание общеевропейской империи, французы обрели пример сверхчеловеческого героизма и неиссякаемый источник жизненных сил народа, на крутых поворотах истории черпавшего в подвигах своих предков вдохновение и веру в собственные возможности, и в лучшие времена. Вместе с тем, столь явная героизация воинов Великой армии и ее великого полководца накладывала (и продолжает накладывать) существенные ограничения на эвристические возможности французской исторической науки. Однако такая ситуация возникла не сразу.

В 1814 г., когда в бурбоновской Франции стали появляться первые работы, посвященные Русской кампании 1812 г., ни о какой героизации Наполеона и его армии не могло быть и речи. Критически заостренные труды Р.Ж. Дюрдана и Э. Лабома стремились если не дискредитировать узурпатора, то, во всяком случае, демонстрировали жесткость суждений и оценок (1). Им противостояли несломленные сторонники свергнутого императора, которые даже в условиях Реставрации находили возможность заявить о своей позиции, заложив основы бонапартистской историографии (2). На фоне этой полемики,

подчас переходящей в «боевые столкновения», книга маркиза Ж. де Шамбрэ, вышедшая в 1823 г., заметно выделялась в лучшую сторону.

Участник войны в России, служивший в рядах гвардейской конной артиллерии, Шамбрэ в декабре 1812 г. попал в русский плен, где провел два года (в основном на территории Украины), впоследствии возвратившись на родину. В 1821 г. новый военный министр Франции маршал К.-Ф. Виктор, сам бывший участником русского похода, предоставил Шамбрэ возможность поработать с архивами военного министерства, результатом чего и стал его двухтомный труд «История похода в Россию» (3).

Во введении к своему труду автор подчеркнул, что намерен представить собственное мнение лишь о военных операциях этой кампании, но не желает делать глобальных политических оценок (4). Тем не менее, Шамбрэ счел необходимым напомнить своему читателю историю разделов Речи Посполитой, подчеркивая значение «польского вопроса» в истории этого конфликта. В целом, оценивая военно-политическую обстановку накануне войны, Шамбрэ обратил внимание на беспрецедентный размах подготовительных мероприятий Наполеона: «Вся Европа, казалось, должна была, принять участие в борьбе [против России]» (5). Описывая собранную на Немане армию вторжения, он, не без иронии, заметил, что она напоминала войско колонистов, уходящее в далекие и бедные страны: «Никогда еще в новейшее время вторжение не осуществлялось такими большими силами...» (6). Численность Великой армии полковник Шамбрэ оценил в 460 тыс. проверенных солдат, включая 80 тыс. кавалерии. Противостоящая французам русская армия, по его мнению, насчитывала совокупно 239,6 тыс. человек, но при этом была разделена на три неравные части, прикрывающие весьма протяженную границу (7). Сразу после открытия военных действий русские начали отступать «в большом порядке и с успехом» (8). Между тем, Великая армия, по мнению Шамбрэ, оказалась неготовой к войне в столь бедной и обширной стране; она «...таяла с удивительной быстротой» (9). Преследуя армию М.Б. Барклая де Толли, император, полагал Шамбрэ, рассчитывал «решить судьбу России» под Витебском, однако русский генерал «благоразумно» завязывал бой только в том случае, когда против него не могла действовать вся армия Наполеона. «Таким образом, он поддерживал свою армию в боеспособном состоянии и давал ей возможность лучше узнать своего противника» (10). Отступление Барклая к

Смоленску было вынужденным, доказывает автор, так как у него имелось не более 70 тыс. солдат. Рассчитывая на быструю войну, Наполеон мало заботился о тыле и снабжении армии, однако в Витебске ему все же пришлось остановиться (хотя это не соответствовало его интересам), чтобы дать армии отдых и поторопить обозы. Кроме того, Шамбрэ обратил внимание на то, что уже на первом этапе войны положение Великой армии осложнялось неудачными действиями на флангах: Э. Макдональд не сумел взять Ригу, а К.Ф. Шварценберг был вынужден перейти к подвижной обороне, предоставив инициативу противнику (11). Под Смоленском к Барклаю присоединилась 2-я армия П.И. Багратиона (25 тыс. пехоты, 10 тыс. кавалерии и 5 тыс. казаков); теперь русские войска, по подсчетам автора, насчитывали около 120 тыс. человек. Силы, которые Наполеон привел к Смоленску, достигали 185 тыс. человек, включая 32 тыс. кавалерии. Занятие Смоленска, за который противники дрались «...с упорством, но без результата...», не принесло Наполеону удовлетворения: в городе «...почти совсем не было никаких ресурсов». Кроме того, Шамбрэ скептически оценил стратегическое значение Смоленска, полагая, что ему «...приписывали его более, чем оно того заслуживало» (12). Потери французов в боях за Смоленск он полагал приблизительно в 12 тыс. убитых и раненых; русские потери были «...по крайней мере, равными» (13). Таким образом, подводя итоги первого этапа кампании, Шамбрэ подчеркивал, что хотя Наполеон захватил огромные территории, своей главной цели – разгромить русскую армию в большом сражении – он не добился. Поэтому императору следовало остановиться в Смоленске, дать войскам отдых, а затем завершить завоевание западных провинций России и реорганизовать Польшу. Наполеон, однако, предпочел продолжить преследование русской армии, «...надеясь, что она примет, наконец, сражение».

Описывая события, предшествующие Бородинскому сражению, Шамбрэ доказывал, что именно характер военных действий, требующий от Наполеона догнать и уничтожить русскую армию, привел в конечном итоге к тому, что наступление Великой армии приняло «характер варварского вторжения». Решившись на уникальный, по мнению автора, форсированный марш на Москву, французский император обрек своих солдат на голод и лишения, так как наладить полноценное снабжение огромной армии в этих условиях не представлялось возможным. Уточнил Шамбрэ и

численность Великой армии накануне генерального сражения, приведя данные о перекличке в Гжатске 2 сентября: накануне Бородинской битвы Наполеон мог располагать армией, насчитывающей в своем составе не более 133 819 человек (14). Пытаясь оценить соотношение сил сторон непосредственно перед битвой, Шамбрэ указывал на превосходство французов в тяжелой кавалерии и боевой подготовке пехоты, состоявшей преимущественно из проверенных, закаленных в боях ветеранов. Напротив, русская армия, по мнению автора, включала большое количество новобранцев, но имела перевес в артиллерии (более 600 орудий против 587 у французов). Проанализировав план на сражение, разработанный в штабе Наполеона, Шамбрэ пришел к выводу, что император, сознательно отклонив свой левый фланг, сосредоточил основные силы против «трех редутов», взятие которых позволило бы «столкнуть» русских до Московской дороги и отсечь им пути к отступлению, зажав большую часть армии М.И. Кутузова в угол между р. Колочью и р. Москвой. Исходя из этого плана, Шамбрэ оценил результаты битвы как неполный успех французов. Наполеон не сумел добиться большего, так как в день сражения проявил нерешительность (15). В решающий момент битвы, когда русские укрепления были взяты и надо было закрепить успех, бросив в бой гвардию, Наполеон промедлил половину часа и упустил шанс добиться полной победы: «...запаздывание оказало огромное влияние на весь ход сражения, а затем и на судьбу Наполеона». Тем не менее, отметив «прекрасное военное устройство» Великой армии и прогрессивные методы ведения войны ее главнокомандующим, Шамбрэ полагал, что, несмотря на свой многонациональный состав, армия весьма хорошо проявила себя на Бородинском поле, добившись столь нужной победы. Вместе с тем, Шамбрэ не скрывал, что после сражения войско Наполеона, понеся большие потери, было сильно расстроено (16). Лишь надежда найти в Москве отдых и продовольствие поддерживала боевой дух солдат Великой армии. Однако поджог столицы, осуществленный (в этом Шамбрэ не сомневался) по приказу русского губернатора Ф.В. Ростопчина, и с согласия Кутузова, спутал все карты. Император рассчитывал подписать в Москве мир, а в результате попал в ловушку, и был вынужден долгое время оставаться в этом «гибельном городе» (17). Между тем, положение Наполеона стремительно ухудшалось, так как русские перешли в контрнаступление на стратегических флангах,

ставя под угрозу всю линию обеспечения Великой армии. Только немедленное возвращение Наполеона, по мнению автора, могло спасти ситуацию. Осознав опасность, император с армией в 90 тыс. человек покинул Москву 19 октября, выступив на Калугу, чтобы затем вернуться в Смоленск. Однако из-за малочисленной кавалерии и огромных обозов армия потеряла мобильность и двигалась слишком медленно. Под Малоярославцем Кутузов преградил дорогу Великой армии. В результате произошедшего сражения французы, по мнению Шамбрэ, потеряв 6 тыс. человек, одержали победу и заняли город (18). Однако Наполеон не решился пробиваться к Калуге и свернул обратно на Смоленскую дорогу (19). Началось Великое отступление. Наполеон, как полагал автор, еще мог спасти армию форсированным маршем на Смоленск, отказавшись от обозов и большей части артиллерии, однако сделать этого не захотел. В результате, до Смоленска император довел только 37 000 человек пехоты и 5 100 кавалерии (20). Убедившись в невозможности удержать город, на который он очень рассчитывал, Наполеон приказал продолжить отступление на запад. Узнав о потере Минска, он ускорил марш и приказал удерживать переправы на Березине. Однако адмирал П.В. Чичагов сумел взять Борисов и уничтожить мост через реку. После этого ситуация для Наполеона стала критической. Имея только 40 тыс. боеспособных солдат и почти совсем не имея кавалерии, Наполеон не мог рассчитывать нанести поражение своим противникам, силы которых значительно превосходили его собственные. «Все заставляло предполагать, – с горечью отмечал Шамбрэ, – что судьба этого необычайного человека и его армии завершится на берегах Березины ужасной катастрофой» (21). Однако, ценою кровопролитного сражения, брошенных раненых и части обоза император сумел вырваться из ловушки. В плен к русским попало около 5 тыс. человек «отбившихся» и не сумевших перейти реку. Несмотря на несомненный успех переправы, автор достаточно жестко раскритиковал действия Наполеона на Березине, обвинив императора в медлительности, апатии, перекладывании ответственности на подчиненных и даже самоустранении от командования. «Ошибки противников Наполеона, – подводит итоги Березинской операции полковник Шамбрэ, – еще более многочисленны, чем его собственные, спасли его» (22). И все же, отдавая должное стойкости и храбрости русского солдата, а также умелым действиям русских генералов (особенно на первом этапе кампании), главной причиной

краха экспедиции в Россию Шамбрэ, по-видимому, полагал недостаточную организацию снабжения Великой армии: не холода и морозы, а голод и отсутствие продовольствия привели армию к развалу и дезорганизации (23).

Таким образом, труд Шамбрэ, вышедший на фоне политизированной полемики о роли и судьбе Наполеона и отличающийся показательной сдержанностью и доказательностью оценок (при опоре на солидную документальную базу), убедительно продемонстрировал возможности истории, свободной от различного рода идеологических воздействий и предпочтений. Вместе с тем, несмотря на то, что эта работа вот уже почти 200 лет сохраняет свое научное значение, во французской историографии она остается до некоторой степени маргинальной. Доминирующим же стало иное направление, заданное самим Наполеоном уже в знаменитых бюллетенях Великой армии («нас убила зима»), а впоследствии развитое им на острове Святой Елены и подхваченное многими участниками похода, сохранившими веру в величие и непобедимость своего императора, который «...бил русских везде, даже на Березине». Мифы исторической памяти живут дольше своих создателей...

1. Durdent R. Campagne de Moscou en 1812. P., 1814; Labaume E. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. P., 1814.
2. См.: Vaudoncourt F.-F.-G. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. L., 1815.
3. Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1823. Т. 1-2. Второе и третье парижские издания были в 1825 и 1838 гг.
4. Chambray G. Op. cit. Т. 1. P. ij.
5. Ibid. P. 25.
6. Ibid. P. 29-31, 35.
7. Ibid. P. 36, 41. К ним следует также прибавить 41 тыс. гарнизонных войск «различного вооружения».
8. Ibid. P. 42. Шамбрэ отмечает крайне негативное влияние погоды: «чрезвычайный дождь» превратил, и без того плохие дороги, в совершенно непролазные (P. 47).
9. Ibid. P. 79.
10. Ibid. P. 97-98.
11. Ibid. P. 140-150.
12. Ibid. P. 169-177.
13. Ibid. P. 189.

14. Ibid. P. 274. В это число включены также части, которые должны были присоединиться к главной армии в течение 5 дней. Однако, как отметил Шамбрэ подойти успели далеко не все.
15. Шамбрэ полагал это следствием нездоровья императора, которого мучил насморк.
16. Ibid. P. 323.
17. Ibid. P. 432, 434-435.
18. Chambray G. Op. cit. T. 2. P. 100. Русские потеряли 8 тыс. человек (Ibidem).
19. Ibid. P. 98. Шамбрэ полагает, что единственным правильным решением для Наполеона изначально было быстрое отступление из Москвы на Витебск.
20. Ibid. P. 195-196.
21. Ibid. P. 292.
22. Ibid. P. 324-326.
23. Ibid. P. 307.